

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА.

ИГНАТЬЕВА Ольга Анатольевна,
соискатель кафедры теории, методологии и
истории социологии Санкт-Петербургского
государственного университета
E-mail: olga7919@mail.ru

Специальность 22.00.01 – Теория, методология
и история социологии

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ М. ВЕБЕРА И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Статья содержит основные результаты диссертационного исследования, посвященного систематизации политического наследия классика социологии Макса Вебера. В ней раскрывается содержание и авторская методология реконструкции научной концепции, формулируется проблематика изучения работ Вебера, предлагается авторская интерпретация его политических идей, а также раскрывается методологический потенциал полученной концепции как для анализа аналогичных политических теорий, так и для анализа политических практик общества.

Ключевые слова: власть; господство; легитимность; лидерство; харизма; элита; политическая система и культура.

IGNATJEVA O.A.

M. WEBER'S POWER CONCEPTION RECONSTRUCTION AND ITS METHODOLOGICAL MEANING

The summary. The article contains the basic results of PhD research upon systematization of political heritage of sociological classicist Max Weber. It reveals content and author methodology of scientific conception reconstruction, formulates the problems of Weber's work studying, offers author interpretation of his political ideas and shows methodological potential of the created conception either for comparative analysis or political practice analysis.

Key words: power; domination; legitimacy; leadership; charisma; elite; political system and culture.

Творчество Макса Вебера – это вселенная разрозненных идей. «Объем его (Вебера – прим. автора) научных работ, его трудный стиль изложения, обстоятельства, при которых большая часть его работ была опубликована уже после его смерти из незавершенных текстов и заметок, все это делает задачи интерпретатора трудными, но заслуживающими похвалы» [17, стр. 67].

Политические положения Вебера находятся в несистематизированном виде, однако они представляют научный интерес для исследователя, так как он является одним классиков социологии и имеет опыт практической политики. Целью данной статьи является представление авторской концепции идей о власти и господстве Вебера с определением степени их

актуальности, а также выявление методологических возможностей данной концепции.

В социологии отсутствует определенный алгоритм реконструкции, поэтому необходимо определить содержание данной методологической процедуры. С одной стороны, реконструкция может быть «воссозданием» какого-либо феномена в теории. Например, историко-материалистическая концепция родовой истории К. Маркса концептуализирует процесс общественного развития на основании организующего принципа (способа производства). В данном контексте теоретическая реконструкция сближается методологической процедурой воссоздания древнего языка или артефакта по аналогии, которая применяется в лингвистике и археологии. С другой стороны, реконструкция может пониматься как интерпретация идей автора, т. е. их систематизация (реорганизация) по определенному принципу. Например, Ю. Хабермас [13, стр. 115] реконструирует концепцию социальной эволюции К. Маркса на основе принципов (всеобщие структуры действия, ментальности, институализации права и морали) и создает, таким образом, свою, отличную от первоначальной, схему периодизации истории человечества. Поскольку нас интересует реконструкция концепции, то данный термин будет использоваться во втором значении. Следовательно, процедура реконструкции социологической концепции, с одной стороны, допускает некоторую независимость исследователя при выборе направлений анализа, а, с другой стороны, является систематизацией идей первоисточника по определенному критерию, т. е. интерпретацией. Автор осуществляет систематизацию идей Вебера в концепцию на основании руководящего критерия – политическая власть, а ее структуру задает с учетом их статики и динамики (типы господства, принципы реализации и этическая сторона политической власти).

Типология господства Вебера не исчерпывает всего его политического наследия. Источниковой базой концептуализации его идей о власти и господстве являются следующие работы классика «Хозяйство и общество», «Политика как призвание и профессия», «Национальное государство и народнохозяйственная политика», «Парламент и правительство в новой Германии», «Рейхспрезидент», «О буржуазной демократии в России», «Протестантская этика и дух

капитализма» и «Социализм». Положения классика систематизируются вокруг руководящей идеи – политическая власть. В результате получаем трехуровневую концепцию: а). фундаментальных структур власти (типология господства), б). принципов реализации государственной власти (комбинация типов господства, экономически процветающий класс в управлении, развитая политическая культура, территориальная и национальная политика) и в). этических аспектов политической власти («этика ответственности»). Посредством анализа работ представителей немецкого, англо-американского и российского веберизма (В. Шлехтер, М. Лепсиус, Т. Фальпаль, Т. Доу, Ш. Волин, Л. Скафф, П.П. Гайденок, Ю.Н. Давыдов, Р.П. Шпакова) автор выявляет теоретически востребованные идеи Вебера, к которым относятся легально-рациональное господство, партийная харизма и этика ответственности (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г. Кюнг). Посредством соотнесения с политической практикой развитых стран Великобритании, Германии, а также России автор выявляет актуальные и устаревшие идеи классика. К ним относятся идеи, посвященные типологии господства, принципам реализации государственной власти посредством сочетания легально-рационального и харизматического господства, развития активистской политической культуры, обновления правящей элиты и политики, направленной на поддержание единой национальной идентичности. Утратили актуальность идеи Вебера об экспансионистской политике, этике ответственности и плебисцитарной демократии.

Трехуровневая концепция идей политической власти М. Вебера является методологическим инструментом, так как задает алгоритм анализа, как в теории сравнения, так и в исследовании общества. При помощи данной концепции автор выявляет общее между политической теорией Вебера и более современными теоретиками власти, такими как М. Фуко, П. Бурдьё и Н. Луман.

Если сравнивать подходы М. Вебера и М. Фуко к пониманию политической власти, то можно выделить следующие общие черты в этих концепциях. Во-первых, возникновение бюрократии, индустриального предприятия и дисциплинарного государства является следствием развития капитализма, основной ценностью которого является рациональность

(рентабельность). Однако Вебер анализирует рациональность как способ мышления современного западного общества в то время, как Фуко исследует формы рациональности на практике, его интересуют техники управления людьми. «Начиная с XVII века эта власть над жизнью развивается в двух основных направлениях... Первое фокусируется на теле как машине, его дисциплинировании, оптимизации способностей, использовании сил, параллельном увеличении его полезности и покорности, интеграции в систему эффективного экономического контроля... Второе направление, возникшее позже, фокусируется на особенностях тела, тела как основы биологических процессов: размножения и долголетия, с целью изменения данных показателей» [12, стр. 139]. Во-вторых, дисциплина является общей характеристикой исследуемых Вебером (армия, бюрократия, университет) и Фуко (школа, больница, тюрьма) объектов. Однако в отличие от Вебера, который изучает формальную организацию социальных институтов с использованием официальных источников, Фуко полагает, что суть режима «власти-знания» можно обнаружить только посредством «археологии», которая позволяет вскрыть дискурсивные практики непривилегированных социальных слоев населения. И, наконец, и типы господства (М. Вебера), и режимы «власти-знания» (М. Фуко) являются системами эксплуатации, охраняемыми государством и поддерживаемые соответствующей структурой управления.

Несмотря на оригинальность концепции власти П. Бурдьё, автор устанавливает сходство по некоторым аспектам между ним и М. Вебером. В-первых, понятие государства у обоих означает поддержание господства за счет возможности использования репрессивных мер. Например, по мнению Бурдьё, понятие государства связано с контролем над физическим капиталом принуждения (армией, полицией), т. е. предполагает «установление государственной монополии физического и символического насилия неотделимо от становления поля борьбы за монополию привилегий, связанных с этой монополией» [3, стр. 164]. Вебер же определяет данный политический институт как союз господства одних над другими, поддерживаемый возможностью применения насилия [4, стр. 490]. Далее можно установить определенное сходство

в определении власти. Понятие власти у П. Бурдьё связано с символическим превосходством, которое дает право доминирования в соответствующем социальном поле. Доминировать – значит, определять условия игры и поведение других агентов. В этом смысле данная трактовка власти сближается с определением Вебера, для которого власть – это возможность провести свою волю несмотря на сопротивление [18, стр. 122]. Также оба социолога понимают государственный (бюрократический) аппарат как формальную, анонимную структуру, применяемую для управления в интересах общества (нации).

В отличие от М. Вебера, который понимает власть как возможность (способность) к волевому действию, Н. Луман концептуализирует данный феномен как коммуникативное средство и это сближает его Т. Парсонсом, для которого власть является «циркулирующим медиумом». Политическая власть функционирует в обществе, благодаря коммуникативному коду «альтернативы избежания», которая подразумевает возможность использования репрессивных мер и имеет негативные последствия для подчиненного. По мнению Н. Лумана, «возможность распоряжаться контингентией, сказать «да» или «нет» относительно желаемых кем-то ролей является базисом власти. Эта возможность превращается в основу власти в том случае, если образуются интересы, имущественные состояния или должности, лишение (или умаление) которых функционирует как альтернатива избежания» [9, стр. 25]. Наличие данной коммуникативной альтернативы сближает позиции Н. Лумана и М. Вебера к пониманию сути власти, так как для последнего она носит потенциально репрессивный характер [4, стр. 490]. В отличие от Вебера Н. Луман считает, что использование принудительных мер или реализация «альтернативы избежания» в практической политике является нежелательным действием, так как это подрывает авторитет власти и доверие к ней. Таким образом, вышеприведенные примеры подтверждают то, что в предложенном виде концепция власти М. Вебера облегчает сравнительный анализ с другими политическими концепциями.

Методологические возможности концепции власти Макса Вебера для анализа политического устройства общества можно проверить на примере политической системы и культуры Германии. Как

говорилось выше, концепция задает направления анализа, т. е. представляет алгоритм. Первый уровень концепции «фундаментальные структуры власти (типология господства)» позволяет проанализировать форму правления. Германия – это демократическая республика с легально-рациональным господством, в котором присутствуют элементы партийного харизматического господства. Вебер полагает, что для стабильности политической системы в ней необходимо присутствие монарха, который выведен из политической борьбы и является символом политического единства нации. Традиционное господство, представленное властью монарха в современной Германии, не существует, однако должность федерального президента, введенная Основным Законом ФРГ в 1949 году, фактически дублирует политические функции современного британского монарха: «президенту отводятся представительские функции и роль посредника и третейского судьи, стоящего над политической борьбой отдельных партий» [10, стр. 214].

Второй уровень концепции «принципы реализации государственной власти (комбинация типов господства, экономически процветающий класс в управлении, развитая политическая культура, территориальная и национальной политика)» рассматривает направления политики конкретного государства, в данном случае Германии. По уровню развития современная политическая культура Германии приблизилась к Великобритании и, в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы, может быть обозначена, как гражданская, однако во времена Вебера в ней преобладали подданнические образцы поведения. Пассивность политического поведения населения Германии можно, с одной стороны, объяснить особенностями господствующих здесь христианских конфессий (лютеранской и католической). Так, например, католицизм поощрял пассивное мировосприятие, по мнению Вебера: «большая «отчужденность от мира», свойственная католицизму, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его приверженцах известное равнодушие к земным благам» [5, стр. 23]. Идея Вебера о нахождении у власти экономически влиятельного социального класса в период жизни М. Вебера не выполнялось, так как при высоком уровне индустриального развития у власти стоял класс юнкеров,

переживавший в то время экономический упадок [6, стр. 36]. Сегодня по уровню экономического развития ФРГ находится на стадии постиндустриального общества, а вот соответствует ли этой стадии состав Правительства, т.е. входят ли туда дипломированные интеллектуалы, сказать сложно. Дело в том, что в отличие от Великобритании, где на сайте кабинета министров указывается подробная информация (биография) о каждом его члене, информация о шестнадцати министрах, составляющих Правительство ФРГ, крайне сжата – указывается только принадлежность к политической партии и занимаемая должность [15].

В Германии большое внимание уделяется вопросам национальной идентичности в силу исторических особенностей формирования немецкой государственности. В 1871 г. вновь созданная германская империя состояла из 25 самостоятельных политических образований (четырёх королевств, шести великих герцогств, четырёх герцогств, восьми княжеств и трёх вольных городов – Гамбурга, Бремена и Любека), т. е. единой национальной идентичности в сознании немцев, переживших несколько веков разрозненного существования, не было [8, стр. 21].

Отсутствие единой национальной идентичности, этническая раздробленность сохранялась в Германии и в период Третьего Рейха. Быть может, идея немецких философов, перехваченная и популяризированная руководством НСДАП, об особой миссии немецкого народа была той самой попыткой компенсировать нехватку чувства единой нации и создать иллюзию таковой. Немецкий историк Р. Вагнер пишет: «В своей тоске по «немецкой славе» немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного реставрации Римской империи» [8, стр. 21]. Поражение Германии во второй мировой войне, как ни парадоксально, несколько облегчило задачу с формированием единой национальной идентичности у немцев. Переселенцы со всех районов Германии, гонимые нуждой в промышленно развитые центры, создавали базу для национальной гомогенизации немецкого общества. «Миллионы беженцев стерли прежде еще довольно резко выраженные наследственные профили швабов или баварцев, нижнесаксонцев или гольштинцев и тем самым частично лишили германский федерализм его традиционной этнической базы» [7, стр. 114].

Бурное развитие промышленности ФРГ в послевоенные годы породило тенденцию к приглашению временных низкооплачиваемых и зачастую низко квалифицированных работников (гастарбайтеров) из менее развитых стран (например, Турции). Однако последним так и не удалось разделить единую национальную идентичность с коренными немцами. «Нельзя не заметить, что новая группа населения осталась в германском обществе более или менее чужеродным телом. Ее судьбой стало занимать наименее привлекательные рабочие места и жить в таком социальном окружении, которое не очень-то дружески настроено по отношению к иностранцам» [7, стр. 120]. В целом, немецкая политика по национальным вопросам в отличие от Великобритании не поощряет развитие мультикультуралистских тенденций и носит однозначный характер: «Ассимилируйся или уезжай!» [1, стр. 222]. Исторический опыт агрессивной внешней политики второго и третьего рейха показывает несостоятельность теоретического положения Вебера о повышении международного престижа страны путем захвата территорий соседних государств. В первом случае результатом такой политики стало исключение Германии из Лиги Наций и принятие обязательств по выплате контрибуций. Во втором случае Германия потеряла государственный суверенитет и едва не превратилась в сырьевой придаток стран-победительниц. Исходя из этого, сегодня Германия предпочитает проводить мирную внешнюю политику, направленную на защиту внутреннего территориального суверенитета и на интеграцию в международное экономическое, политическое и военное сообщества. Так, ФРГ является равноправным членом Европейского Союза (1957 г.), ООН (1973 г.), НАТО (1955 г.), ОБСЕ, ВТО, МВФ и Большой Восьмерки (1975 г.).

Третий уровень концепции «этические аспекты политической власти («этика ответственности»)» позволяет выявить уровень социальной ответственности государства по отношению к своим гражданам. Он не идентичен с содержанием «этики ответственности» у Вебера. Связь между «этикой ответственности» Вебера и авторитарным режимом власти прослеживается на основании его концепции «плебисцитарной демократии», так как «плебисцитарный» лидер отвечает за свои действия сам, в то время как народ и партия не имеют право вмешиваться в его

политику [11, стр. 202]. «Этика ответственности» Вебера, по сути, является репрезентацией ценностного релятивизма, так как, с одной стороны, предполагает отход от универсальной этики – «этики убеждения», а с другой стороны, произвольность в выборе терминальных целей политики: «в основном три качества являются для политика решающими... Страсть – в смысле ориентации на существо дела: страстной самоотдачи «делу», тому богу или *демону*, который этим делом повелевает» [4, стр. 517], т. е. политик может служить как добру, так и злу, но главное с полной самоотдачей. Современный немецкий философ К.-О. Апель [2, стр. 82], изучающий проблемы этики, полагает, что именно моральный релятивизм создал основу для процветания фашизма. Нетрудно заметить, что «этика ответственности», отколотая от универсальной этики – «этики убеждения» является реверансом М. Вебера в сторону ценностного релятивизма. По мнению К.-О. Апеля, для преодоления возможности повторения фашизма необходимо, чтобы нравственные ценности имели универсальный характер, а не приспособлялись к контексту ситуации, служа побудительным мотивом к действию через историческую легитимацию, например, как апеллирование нацистов к чувствам долга, солидарности и патриотизма, основанным на великом прошлом Германской империи.

В истории Германии XX века есть практическое воплощение идеи М. Вебера о «политической ответственности» харизматического лидера, который не должен делать различий между добром и злом, а лишь со страстью служить своему делу и ответственно относиться к последствиям своих действий – А. Гитлер с примерами иррациональной политики «ночь длинных вождей» и «хрустальная ночь». Даже «Р. Михельс оправдывал свое решение поддержать Муссолини и итальянский фашизм ссылкой на Вебера» [14, стр. 134]. Ввиду разрушительного влияния политики лидера НСДАП на общество и на мировое сообщество в целом, Германия больше не пользуется рекомендациями Вебера по данному вопросу.

Сегодня этики ответственности – это в первую очередь этика социальной ответственности государства перед своими гражданами. Первоочередная задача каждого государства создать условия для реализации творческого потенциала своих граждан. «Государство обязано

способствовать экономическому и общественному прогрессу всех граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [16, стр. 61]. В этом контексте можно говорить о социальной ответственности власти, которая непосредственно стыкуется с этическими аспектами политической деятельности. В середине XIX века Германия стала первой страной, продемонстрировавшей опыт социальной защиты рабочих, который затем был перенят рядом индустриально развитых стран. Концепция защиты нуждающихся слоев населения постепенно эволюционировала в модель социальной защиты У. Бевериджа, послужившей основанием предвыборной платформы лейбористов в 1945 году.

В отличие политической практики Великобритании с использованием этических кодексов деятельность административного аппарата Германии регулируется на основании общего закона о правовом положении государственных служащих (1971 г.) и Законом о федеральных кадрах, в соответствии с которым на государственную службу принимаются только политические благонадежные граждане Германии, входящие в определенную возрастную категорию. При этом административные должности в министерстве замещаются выпускниками

юридических, экономических и социологических факультетов. Штаб управления Германии на две трети рекрутируется из представителей высших средних слоев населения: выходцев из семей крупного бизнеса, высшей и средней бюрократии, а оставшаяся часть формируется из представителей более низких социальных классов. Помимо уже известных категорий правящей элиты в легально-рациональном господстве (политиков и чиновников), в бюрократическом аппарате Германии есть еще и неоплачиваемая должность «почетного чиновника» (выборный консул, присяжный). Представители управленческого аппарата должны выполнять регламентированные функции беспристрастно и объективно на благо общества. Контроль за деятельностью чиновников осуществляют административная юстиция и административные суды. К социальной ответственности власти в Германии относятся программы социального страхования населения.

Таким образом, в результате проведенных исследований идеи политического господства и власти Вебера представлены в систематизированном и доступном виде, т. е. в виде трехуровневой концепции, что позволяет использовать их в сравнительном анализе с другими аналогичными теориями и в качестве направлений анализа политического устройства общества.

Список литературы

1. Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1.
2. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии. – М., 2001.
3. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. – СПб., 1999.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
6. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Политические работы. – М., 2003.
7. Зонтхаймер К. Федеративная республика Германии сегодня. Основные черты политической системы. – М., 1996.
8. Крейг Г. Немцы. – М., 1999.
9. Луман Н. Власть. – М., 2001.
10. Патрушев А.И. Германия в XX веке. – М., 2004.
11. Шпакова Р.П. Легитимность. Уроки Вебера // Вебер, прочитанный сегодня. – СПб., 1997.
12. Foucault M. The History of Sexuality Volume I: An Introduction. – New York, 1980.
13. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. – Frankfurt a.M. 1976.
14. Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. – London, 1987.

15. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung // <http://www.bundesregierung.de>
16. Stein L. System der Staatswissenschaft. – Osnabruck., 1964.
17. Sterling J., Moore W. Weber's Analysis of Legal Rationalization: a Critique and Constructive Modification // Sociological Forum 1987, № 1. vol. 2.
18. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen., 1972.

